

Елена ТАРАСЕНКО

ЛЕГЕНДАРИУМ

(старые предания на новый лад)

Елена Николаевна Тарасенко родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт, преподавала гуманитарные дисциплины в школе. Учитель высшей категории, кандидат педагогических наук, 18 лет проработала на кафедре философии, культурологии и религиоведения ОГПУ. Публиковалась в альманахах «Башня», «Гостинный Двор», «Паровозъ», «Складчина». Поэт, прозаик, культуролог. Член Союза российских писателей. Лауреат литературной региональной премии имени П.И. Рычкова в номинациях «Поэтическая книга» и «Выбор читателя» (2017). Автор двух педагогических монографий и четырёх поэтических сборников. Живёт в Оренбурге.

Рыцарская легенда

Рыцарь Борис у пещеры замер,
могуч и красив,
И произнёс с расстановкой,
хмурый пейзаж огласив:
«Здравствуй, дракон! Я на месте.
Принял я вызов на бой
И в половине восьмого
должен сразиться с тобой».

Ахнули дружно принцессы
где-то за дальним бугром;
Побагровевшее небо
хриплый исторгнуло гром;
Скоростью не превышая
самых больших черепах,
Выползло странное Нечто
в пятнах, дыму и шипах.

Рыцарь Борис удивился
(ну, не совсем, а слегка):
Ждали отважное сердце
и удалая рука
Чудища злато-стального,
грозного, как Рагнарёк!
Меч ухватив поудобней,
он хладнокровно изрёк:

«Вот мой опасный противник,
гордый, жестокий дракон...
Разве такого рисуют
в книгах веков испокон?
Эта лиловая клякса,
этот гниющий чилим
Мне всю эстетику боя
рушит обличьем своим».

Монстр, разобитый страшно,
с рёвом в пещеру ползёт.
Он пролежит там столетья
и никого не сгрызёт,
Не разорвёт, не ошпарит,
не пожелает терзать!
...Лишнего делать не надо.
Знайте, когда что сказать.

Славянская легенда

В середине лета, жарой томим,
Игорь сел задумчиво у пруда,
И внезапно выросла перед ним
Женщина в кокошнике изо льда.

Держит кадку, сказочную вполне;
Что в ведре хрустальном —
не разберёшь...
«Знаю, добрый молодец, обо мне
Песню джоже складную ты поёшь!

Я Зима, та самая. Я царю
На приволье гулком земли
родной.
Хочешь, за талант животворный
твой
Я сокровищ всяческих надарю?»

И, снежинки стряхивая с груди,
Вдруг она услышала от него:
«Мне не надо, милая, ничего.
Коль сумеешь — к нам
на концерт приди».

...Был большой и красочный
в том году
Фестиваль. Заметили все тогда,
Что сидела скромно в шестом
ряду
Женщина в кокошнике изо льда.

Рыцарская легенда вновь

Рыцарь Алекс шёл с турнира,
вёл коня,
Перламутровым лучом был
путь залит;
Вдруг почудилось: дорогу
заслоня,
Что-то мелкое и грязное бурлит.

Присмотрелся: это кобольдов
кутёж!
За доспехи ручки серые —
хватъ-хватъ!
— Ты сейчас лачугу нашу
подметёшь,
А потом тебя заставим
вышивать!

Отвечает Алекс: «Кобольды,
привет!
Не страшит меня подобный
поворот,
Ведь давно уже в подлунном
мире нет
Унизительных для рыцаря забот.

Не позорно за цветок
переживать,
Не грешно жука разглядывать
в траве...
Если ж кто-то помешает
вышивать —
Тресну пальцами по вздорной
голове!»

Тут раздался хохот гор, лесов
и рек,
Смылась кобольдов толпа сама
собой,
И спокойно в дом вернулся
человек,
Неподвластный даже нечисти
любой.

Легенда древних индейцев

Средь долины Тавазэнта,
в кроткой тишине лугов,
Вдруг послышались напевы,
рассужденья, звук шагов;
К музыканту Навадаге,
летописцу роц и гор,
Подошёл великий тенор
и сказал ему в упор:

«Раз уж странные такие
в вашем мире имена
(Чёрный Дрозд, Медвежий
Коготь, Удивлённая Луна),
Почему никто индейцу нотных
прозвищ не даёт,
Из которых станет ясно,
как он здорово поёт?!

Что эффектней: Хвост Бизона
или Пламенное Си?
Если сам не ощущаешь,
у товарищей спроси!
Уверяю вас, ребята,
Восхитительное Фа
Лучше, чем Прыгучий Кролик
или Шустрая Дрофа!»

Деликатный Навадага —
худ, негромок, босоног —
Всеми фибрами воспринял
этот страстный монолог,

И, не в силах больше думать
про бобров, нырков и сов,
Он ушёл в Вигвам Молчанья
и сидел там пять часов.

Выход найден был достойный:
у индейцев с той поры
Имя есть — Оминотэго,
звучное, как стон горы
(Перевод — «Красивый Голос»),
и оно весьма к лицу
Хоть потомку Гайаваты,
хоть великому певцу.

Славянская легенда вновь

Взяв лукошко и в лес выйдя
спозаранку,
Константин вдруг нашёл
сказочный тайник,
Где хранили волхвы
скатерть-самобранку
И ещё сто чудес из фольклорных
книг.

Он смахнул пыль веков,
едкую, рябую,
И записку прочёл, странную
чуть-чуть:
«Забирай, человек, невидаль
любую;
Что инструкции нет,
ты не обессудь».

Разбежались глаза:
гусли-самогуды,
Путеводный клубок,
зеркальце online,
Артефактов иных блещущие
груды...
И везде — авантаж,
и везде — дизайн!

«Сложный выбор!
Его надо обусловить.
Скатерть, гусли, ковёр —
явно не в игре:
Я могу и без них петь, плясать,
готовить,
Я летаю всю жизнь
(хоть не на ковре)».

Перебрав сто вещей — быстро,
под сурдинку —
И замену найдя мысленно
для всех,
Он решительно взял
шапку-невидимку:
От фанатской толпы спрятаться
не грех.

Библиофильская легенда

Жила на свете Кэтрин
(а может быть, Катрин),
Ей не хотелось шмоток
с напыщенных витрин,
Её не увлекали ни макияж,
ни флирт;
Она любила книги,
была скромна, как мирт.

Но в жизнь её развязно
вмешались дураки —
И лопнуло терпенье, и сжались
кулаки,
И всё осточертело, и отняли
мечту,
И Кэтрин закричала куда-то
в пустоту:

«Достаточно, уймись!
Мне нужен свет небес,
А не утробный гогот и рожи
вместо лиц!

Все знают, что Алиса была
в Стране чудес, —
Неужто не могу я спастись
в Стране страниц?»

Слова иссякли. Воздух стал
гуще и темней,
И распахнулась книга,
как космос, перед ней;
Прошелестев, страницы чуть
обняли её:
«Входи, родная Кэтрин,
в убежище своё».

Она влилась в тот шелест,
как ветер — в кроны ив,
Вовек её не сыщут, кто туп
и кто ленив;
Непонятая Кэтрин действительно
спаслась
И в буквенное небо с улыбкой
вознеслась.

Трубадурская легенда

«Менестрель Вячеслав, —
прошептала колдунья, —
Позавидуют Вашим триумфам
цари,
Если Вы промолчите всю ночь
полнолуния,
Без единого звука дождавшись
зари».

Колыхнулась маренговых туч
органза;
Он вздохнул глубоко, передёрнул
плечами
И семичасовому обету молчанья
Дал отсчёт, в небеса устремляя
глаза.

В те края невзначай
На олады и чай
Заглянул наш Профундо —
и сразу вмешался,
Потому что никак
Бедный умник и маг
Ту нахальную тучку прогнать
не решался.

Наш чеканный талант,
Наш весёлый педант,
Размышляющий быстро,
поющий степенно,
Весь исполненный тайн,
Прогудел: «Улетай!» —
И, представьте, она упорхнула
мгновенно!

...А когда я должна одолеть
дурака
И с житейски нелепым борюсь
неурядом,
Сам не ведая, мне помогает Е.К.,
Разгоняя все тучи и басом,
и взглядом.

Буддийская легенда

За много тысяч вёрст от нас
простёрся сад восточный,
Прекрасный, как гравюрный
лист художника-буддиста;
Чтоб стало в помыслах людских
размеренно и чисто,
Пример показывает мир
древесный и цветочный.

Там есть фонарь, старинный
мост, фонтан и домик чайный,
Там льётся голос неземной
и ранит острым краем;
Порой задиристый,
порой изысканно-печальный, —
Его не спутаешь ни с чьим,
он очень узнаваем.

Он настроение твоё несколько
не упрочит,
А поменяет на корню!
В отличие от сада,
Где мудрецы собрали всё,
что для блаженства надо,
Он пробудит в тебе лишь то,
чего он сам захочет.

Прозрачный, схожий с лепестком
и с драгоценной чашей, —
Каким тайфуном занесло
его под это небо?
Хоть прибыл с Альтаира он,
хоть, может быть, с Денеба,
Он за минуту приручил жильцов
планеты нашей.

Опять глядим на светлый сад —
безмолвно, изумлённо,
И дивный голос над мостом
кружит священным дымом.
Не нужно чуду подбирать
железного резона —
Пусть остаётся навсегда
оно необъяснимым.